

Михаил Успенский
Кого за смертью посылать (фрагмент)

— Вот он, гаденыш! Вот из-за кого мы чуть головы не потеряли!

Богатырь на коленях приблизился к месту, на которое указывал водяной.

В траве, примяв семейку ландышей, покоился грязно-серый шар величиной с человеческую голову. Да он и походил на человеческую голову с маленькими закрытыми глазками, с носиком не более прыща, со скорбно искривившимся ротиком... Правда, у головы не бывает коротеньких ручек и ножек, а у этого шарика они были...

— Та-ак, — зловеще сказал Жихарь. — Вот видишь. Мутило, мы еще не доехали до ярмарки, а уж прославились! От дедушки с бабушкой он ушел, от лесных зверей ушел, а к нам попался. За такое диво нам заморские купцы немало отваяют!

Мутило без всякой радости поглядел на добычу.

— А то они хлеба, вывалянного в пыли, не видели, — презрительно сказал он.

— Какого хлеба? — возмутился Жихарь. — Это же Колобок, тот самый!

И тут же рассказал пораженному водянику повесть о многотрудной судьбе Колобка, что известна любому человеческому детенышу и вовсе не ведома подводным жителям.

— Так что не только лисе — никому его поймать и съесть не довелось! — закончил богатырь свой рассказ. — А нам он, можно сказать, сам под ноги прикатился... Надо бы помочь ему очнуться, да заодно и умыть... Он, поди, с тех пор и не умывался...

Конь Налим охотно оросил Колобка, а богатырь, достав из дорожной сумы тряпицу, начал приводить пленника в товарный вид.

Сделавшись чистым, румяным и вполне пригожим, Колобок приоткрыл один глаз, более похожий на черную изюмину.

— Не ешьте меня, — с ходу, не поздоровавшись даже, предложил Колобок. — Я вам песенку спою...

— Ну уж нет, — сказал богатырь и наложил на лысину хитреца свою тяжелую руку. — Песни твои мы знаем: заморозишь нас, а сам укачишься.

— Меня теперь даже есть нельзя, — вздохнул Колобок. — Я черствый. Совсем очерствел от бродячей жизни. Об меня даже сам Мироед чуть зубы не обломал...

— Ну! Так ты и Мироеда знаешь? — не поверил Жихарь.

— Кого я только не знаю... За мои-то годы... — сказал Колобок и махнул маленькой ручкой. — Дернуло же меня через эту прогалину катиться... Думал, успею, да у вас такой скакун...

— Других не держим, — похвастался Мутило. — Жихарь, давай я его к себе в озеро заберу? Он там отойдет, размякнет...

— Не размякну! — вскричал Колобок. — Не дождетесь! Я моря переплывал, во чреве китовом пребывал — ничего мне не поделалось. Я от дедушки ушел, да вы это и сами знаете, и от лисицы ушел, и от тигра ушел, и от слона, и от енотовидной собаки, и от восьмирукого осьминога, и от Гидры Лернейской, и от змея Апопа, и от Бегемота с Левиафаном! Мне бы еще лапоточки новые кто сплел — так я бы до самого светопреставления землю топтал! Не вам меня пленять! Я побродяга всемирный, бесстрашный! У-у!

И выпучил для острастки свои изюминки, что твои сливы. А потом как-то вывернулся и даже попробовал укусить богатыря.

— Хвастать мы и сами горазды, — сказал Жихарь. — И не кусайся — все равно зубов нету. Ты, гляжу, и вправду старенький...

— Постарше прочих! — гордо сказал Колобок. — А зубы мне ни к чему, я в пропитании не нуждаюсь. Я сам вроде того что пища бывшая...

— Ну, бывшую пищу не Колобком кличут, а совсем по-другому, — заметил Жихарь. — Сколько же тебе лет?

— А сколько их было на свете — все мои! Ты, поди, и не знаешь, как звали деда с бабкой, что меня испекли?

Жихарь впал в недоумение. И вправду никто никогда не задумывался насчет имен обездоленных старичка со старушкой.

— Как же, по-твоему, их звали? — наконец сказал он.

— А в каждом народе по-своему! — ответил Колобок. — Потому что это были самые первые люди на свете.

— Врет, — уверенно молвил Мутило. — Столько даже Колобки не живут.

— А вот живут! А вот живут!

И, утверждая свою жизненную силу, Колобок таки вырвался из-под богатырской руки, но не укатился прочь, а запрыгал, да так высоко — с Мутилу, а Жихарю до груди.

— Это я по-вашему, по-невежественному — Колобок, а вообще-то я самый первый Гомункул!

— Тихо ты! — цыкнул Жихарь. — За такое слово в базарный день и прибить могут, а мы как раз на ярмарку держим путь. Помалкивай уж, коли Гомункул, нечего этим хвастать. Раз ты такой у нас вековечный, так и веди себя степенно, бороду седую отрасти... Усы вислые...

— Минутное дело!

С этими словами Колобок оставил резвость, опустился на траву провел ручками под ротиком и носиком — и полезли на белый свет в указанных местах сивые волосы.

— Теперь лучше? — живо спросил он.

— Прямо неклюд Беломор, — похвалил Жихарь. — С такой бородой и козла, бывает, за мудреца держат...

И бросился на беглеца. Колобок попробовал было откатиться, но сухая прошлогодняя трава запуталась в новенькой бороде и помешала...

— Полезай, чудило круглое, в суму, — сказал богатырь. — Вот и будет княгине бесплатный гостинец...

— Какой гостинец? Какой гостинец?! — завизжал Колобок уже из сумы. — Я же сказал, что нельзя меня есть!

— А никто тебя есть и не станет, — ласково сказал Жихарь. — Жена у меня ученая, многозналица. Будете с ней толковать о превыспреннем, а надоест — с дочками играй во дворе, да не попадись мальчишкам, пинать еще придумают... Там тебе будет хорошее житье, станешь всем любезен. Да я даже кузнецу Окулу прикажу тебе железные зубы вставить от старой бороны — от собак, скажем, отбиваться...

— Зубы... — Колобок задумался и перестал возиться в суме. — Зубы — это дело. Как же я сам до такого не додумался? Казалось бы, все на свете знаю... Так ты, выходит, тот самый Жихарь, который...

— Тот самый, — сказал богатырь.

— Который, — подтвердил водяник. — Которее не бывает.

— Ну-ну, — сказал Колобок, высунувшись наружу. — Случалось мне с различными героями подвизаться. Все они, в общем-то, на одну мерку скроены: твари неблагодарные. Шагу без меня ступить не могли, поминутно советовались.

Царевну там добыть, меч ли кладенец, золотое ли руно... А как дело сделано — катись на все четыре стороны! Ни слова доброго, ни воздаяния...

— Какого ж тебе воздаяния желательно? — удивился Жихарь.

— Ну... — задумался Колобок. — Любопытно бы мне в людском обличий пожить какое-то время.

— Сделаем, — пообещал Жихарь. — Вот пойдут на нас войной, скажем, те же заугольники. Они давно грозятся, да духу не хватает. Станем решать битву поединком между князьями. Выедет мне навстречу могучий вождь по имени Тувалет Хрустальный. Снесу я ему буйную голову мечом, а на ее место тебя и присобачим. И станешь ты у нас не перекасти-поле, а светлый князь... э-э...

Колополк — видишь, я уже и прозвание заготовил!

— Не торопись, — испугался грядущих перемен Колобок. — Я еще не решил, какого полу мне желательно стать...

— Да я и не тороплюсь, — сказал Жихарь. — Поживи, подумай, чья доля на свете слаще...

— Мы на ярмарку едем или нет?! — вскричал Мутило.

— За новыми лапоточками! — поддержал его голосок из сумы.

М. Успенский, Кого за смертью посылать, Санкт Петербург 1998.